

М.Н.МУРАВЬЕВ КАК ЧИТАТЕЛЬ-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ

А. Н. Пашкуров
А. Ш. Темирбулатова

*Доктор филологических наук; профессор
магистрант
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

M.N.MURAVIEV AS A READER AND RESEARCHER OF THE OLD RUSSIAN HISTORY

A. N. Pashkurov
A. Sh. Temirbulatova

*Doctor of Philological Sciences, professor
Undergraduate student
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

Abstract. In the present article, we examine the uniqueness of the Old Russian history perception and interpretation in the prose of one of the outstanding Russian enlighteners in the second half of the XVIII century – Mikhail Muraviev. The central object of our study is the writer’s documentary and fiction cycle “Razgovory mertvykh” (“Talks of the dead”), which he created in the course of educating the grandchildren of Catherine II (the Great), the cesareviches Alexander and Constantin. Our main task is to reveal the dialectic of interaction between the Old Russian ethical system and the axiological attitudes of the Modern period in the context of the reader’s and fiction interpretation by M. N. Muraviev.

Keywords: Muraviev; axiological program of the Russian prose in the last quarter of the XVIII century; synthesis of documentary and fiction; uniqueness of the Old Russian history interpretation; reader and researcher.

Виднейший русский просветитель конца XVIII – начала XIX веков, Михаил Никитич Муравьев с отрочества воспитывал в себе профессиональную культуру читателя.

Интересно рассмотреть восприятие зрелым Муравьевым – писателем и педагогом, древнерусской литературной культуры, древнерусской истории.

Наиболее полно нравственная позиция автора по этому вопросу отоб-

ражается в его оригинальном произведении «Разговоры мертвых», а также в ряде документально-художественных очерков по истории.

Но прежде чем говорить подробно об этих примерах творчества, целесообразно остановиться на своеобразии религиозно-нравственных воззрений писателя-просветителя.

Важнейшим базисом, воспринятым от Православия, становится концепция Благодетия.

В XVIII веке, среди определенным образом контрастных древнерусской этике европейских философских веяний, Благочестие понималось как нравственная чистота, которая, в свою очередь и приоритетно, обусловлена соблюдением христианских заповедей. Следовательно, Благочестие должно выражаться в праведной жизни. Муравьев как раз и являл современникам пример праведной жизни и остался в памяти истории русской культуры как человек исключительной нравственности.

Например, Ф. Ф. Вигель, современник Муравьева, писал, что он «... был примером всех добродетелей» [4, с. 111]. Ясно отражается этот идеал и у самого писателя – в «Мыслях, замечанияхъ, отрывкахъ» (1790-е г.г.): «Божѣ мой! Сотвори меня волѣ твоей покорнымъ и дай мнѣ способность почитать любовію добрыхъ дѣлъ Высочайшее Существо Твое!» [9, с. 279]. Здесь первостепенно важно особое понимание Добродетели – не столько как способа получить награду свыше, сколько как способа выражения Богопочитания. Это – стремление к добродетели и милосердию бескорыстно, не только по отношению к земному миру и людям, но и относительно Бога.

В своей творческой деятельности Муравьев видел в первую очередь пользу духовную. Не случайно активное использование им в педагогической деятельности художественных произведений собственного сочинения, таких, как: «Разговоры мертвых», так называемый «Евандров текст» и некоторые другие.

Из этого логично следует внимание писателя к личности и нравственному облику самого деятеля литературы. Одним из лейтмотивов писательского наследия Муравьева является обретающая многочисленные формы идея непрестанного духовного самосовершенствования: это и покаяние, искоренение пороков, и упражнения в милосердии и любви к людям, и приближение к Богу. По убеждению Муравьева, поэт обладает способностью и правом духовно просвещать и наставлять людей. Поэты обладают исключительным чувством Истины, которую должны нести людям: «Справедливые уставы, / Укротивши дики нравы, / Стихотворцев суть труды; / Земнородные стекались – / И мгновенно пресекались / Межусобные вражды» [10, с. 120].

Современники Муравьева неоднократно подчеркивали его исключительную религиозность и, соответственно, строгое следование законам христианской жизни. Как отмечает один из первых исследователей творчества Муравьева Н. Жинкин, «... какъ в произведеніяхъ, такъ и въ жизни М. Н. Муравьев производилъ впечатленіе человека глубоко нравственнаго... глубоко вѣрующаго и религіознаго» [5, с. 314].

Литература и другие искусства, в чем и заключается их высшая миссия, несут людям нравственные истины. Главенствующая из них – Добродетель, и как раз чтением как самопостижением и самосовершенствованием, она и создается.

В трудах Муравьева мы неоднократно встречаем идею о том, что

подлинное богатство и наслаждение обретаются не в материальном, а в духовном: «Все наслаждѣнія заключены в добродѣтели», «Добродѣтель со счастием души имѣеть тайное согласие» [9, с.303], «Не ищи его <удовольствие – А.П., А.Т.> индѣ как на стезяхъ добродѣтели» [9, с.311].

Добродетельное Благодетельство выражается в проявлении любви и сострадания к людям. В назидательных словах Муравьева «... и будешь сирому вмѣсто сродника и вмѣсто наставника слабоумному... и одобрение самого себя проникнет душу твою и Ангел-хранитель изыщетъ для тебя новое доброе дело» [8, с. 266] – мы видим, что милосердие не только служит благу страждущих, но и возвышает, преобразует душу оказывающего помощь. Не зря Ангел-хранитель выступает здесь не в роли активного спасателя, а подготавливает пути для самостоятельного, деятельного Спасения.

В процессе осознания Добродетели как центра внутреннего мира человека одним из важнейших нравственных императивов становится *Совѣсть*.

Для Муравьева характерна в этой связи тема покаяния, порой лирический герой может опуститься и в бездну самоуничтожения, подобно древнерусским летописцам: «Во всем перед тобой виновен, / Во всем перед тобой бессловен / Тебе молящийся твой раб. / ... / Наполнясь сердце срамотою, / Прельстилось мира суетою / И не вспомнило тебя...» [10, с. 123].

Первая же строка Девятой оды («Душой и сердцем сокрушенным» [10, с. 123]) отсылает нас к пятидесятому псалму, также называемому Покаянным: «Жертва Богу дух сокрушен: сердцесокрушенно и смиренно Бог не уничижит». У Муравьева мы встречаем то же упование на Милость Божию, что и у царя Давида. Как царь Давид, так и Муравьев абсолютно честны перед Господом, открыто и безапелляционно по отношению к самим себе свидетельствуют: «Яко беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну. Тебе Единому согреших, и лукавое пред Тобою сотворих» – «Я согрешил, но зри: я каюсь, / Я признаю, что претыкаюсь» [10, с. 123].

По своей тональности Ода Муравьева соответствует покаянному канону Андрея Критского (почитаемого исключительно в Православной церкви) который, по словам протопресвитера Александра (Шмемана), «можно описать как покаянный плач, раскрывающий нам всю необъятность, всю бездну греха, потрясающий душу отчаянием, раскаянием и надеждой» [1, с. 3]. Отсюда – и устойчивый мотив раскаяния, очищения от греха: «Я еще лучше хочу, чтобы мои злодѣянія были освѣщены окомъ всевѣдущаго»; «Дай Богъ! При очахъ всего свѣта претерпѣть единойды срамное принужденіе признать себя порочнымъ, чтобы, устыдясь, навсегда переродиться добродѣтельнымъ. Но паче, дай Божѣ! Не быть никогда приведены въ состояніе произнестъ сіе желание

и быть добродѣтельны без затрудненія» [9, с. 314].

Совість же становится для Муравьева одним из важнейших критериев оценки и самооценки личности: «Желаешь умереть тотъ, кто чувствует себя недостойнымъ жить» [9, с. 261] – таким образом, самоощущение, тот строгий вердикт человека самому себя и способность видеть свои пороки представляет собой камертон, определяющей нравственную жизнь человека.

Неотъемлемой составляющей праведной и благочестивой жизни является любовь к людям и, следовательно, помощь ближнему. «Какое наслаждение говорить в самомъ себѣ: я не оскорбилъ никого! Я люблю, я стараюсь всѣхъ любить, не исключая и техъ, которые меня не любятъ» [9, с. 292] – здесь Муравьев явно обращается к тексту Нагорной проповеди, где Христос дает людям новый завет, и противопоставляя его старому завету, говорит о необходимости любить не только ближнего, но и своих врагов. Подлинную христианскую любовь Муравьев являет в строках: «И людей любить никогда не врѣдъ: людей добрыхъ, хотя бы и несовершенныхъ, ибо совершенство подлинное, настоящее не находится в родѣ человѣческомъ, и мы первые не имеемъ онаго и понятія» [9, с. 293]. В данном случае Муравьев говорит о любви ко всему человеческому сообществу, и его взор хоть и видит объективно его удаленность от идеала, все же терпимо и кротко утверждает всеобъемлющую любовь к человечеству.

Милосердие видится Муравьевым как неотъемлемая, естественная составляющая жизни: «Счастливые люди жестокосерды и не умѣютъ болѣзновать о бѣдныхъ... Наконецъ потщитесь доказать человѣколюбиемъ, не гордостію, облегченіемъ жребія бѣдныхъ, что вы счастья своего достойны» [9, с. 311].

Одним из важнейших проявлений Добродетели в нравственно-религиозных взглядах писателя является идеал Соборности. Соборность – по выражению С. Н. Булгакова, «душа православия» – уникальное понятие, свойственное русской философии и теологии, обозначающее добровольное духовное единение благочестивых и добродетельных людей на основах любви и братства. Такая общность осуществляется как в мирской сфере (так, позже А. С. Хомяков противопоставляет соборность индивидуализму (протестантства) и авторитарности (католицизма); это «солидарность в мыслях и действиях» Н. Д. Успенский), так и на уровне духовной религиозной жизни («единство особое, благодатное, без которого недействительны церковные таинства. Благодатная сила этого единства исходит из таинственного союза Христа с Церковью» [13]. Н. А. Бердяев понимал под соборностью сам феномен Церкви и Спасения: «Есть круговая соборная ответственность всех людей за всех, каждого за весь мир, все люди – братья по несчастью, все люди участвовали в первородном грехе, и каждый может спастись лишь вместе с миром» [2, с. 190]. На русскую почву это понятие принесено еще

первоучителями Кириллом и Мефодием при переводе Символа Веры, однако, можно говорить о том, что это понятие является уникальным именно для русского миропонимания – в иноязычных философии и богословии мы не встречаем аналогов этому понятию, оно по существу не органично западному миропониманию. Истоки можно найти еще в таком известном памятнике древнерусской словесности, как «Слово о законе и благодати».

Идея Единения, в глубоко родственном Соборности значении, имеет чрезвычайное значение в творчестве М. Н. Муравьева. У Муравьева это понятие обретает различные формы и наименования («братство», «семья», «семья чистых сердец», «семья соотечественников», «общество добрых людей»), но сводится в итоге к православному феномену соборности. Этой теме посвящены множество эссе и заметок Муравьева, одни заголовки которых свидетельствуют о специфической глубокой направленности мысли автора: «Общество добрых людей», «Общее благоволение къ чловѣческому роду» и т.д. Автор рисует сообщество людей, построенное на принципах милосердия, благочестия, чистой совести – картину, столь возжеленную всеми христианами: «они запретили входъ всемъ порокамъ», «молодые старались превзойти другъ друга въ в повиновении старшимъ», «не было у нихъ радости болѣе, какъ съделать что-нибудь пріятное другому» [8, с. 220].

Страдание, как моральное, так и физическое, воспитывает в душе

человека способность находить утешение в высших благах: Добродетели и Вере. В «Мыслях, замечаниях и отрывках» писатель рассуждает о том, что даже в болезни, и, более того, благодаря болезни, человек прозревает. Внутренняя гармония, дарованная Богом – единственное возможное убежище от скорбей: «Счастливъ среди страданій своихъ недугующій, котораго душа непотрясена... можетъ наслаждаться прошедшимъ, особенно – вспоминая свои добрые дѣла» [9, с. 276]. Еще более укрепляют страдальца его собственные благие дела: добродетельный человек всегда остается, по мысли Муравьева, под покровом Бога и может рассчитывать на других добродетельных людей, что приводит нас к феномену Соборности.

Важнейший факт в биографии писателя-просветителя: в 1785 году Муравьев был приглашен наставником, а также учителем словесности, русской истории и нравственной философии для великих князей, внуков Екатерины II – Константина и Александра.

Не оставшись в стороне от влиятельных для второй половины XVIII века просветительских педагогических концепций Европы (Локк, Руссо, Фенелон, Клерк и другие), Михаил Никитич пошел иным путем и дальше: объединив и усвоив наиболее ценное, создал свою, оригинальную систему обучения и воспитания.

Но при этом целый ряд положений западной нравственной философии Муравьеву в значительной степени чужд. Так, в частности,

русский мыслитель, педагог, просветитель и писатель не принимал идею системы «природного состояния», предложенную Ж.-Ж.Руссо, и, как в своей воспитательной деятельности, так и в целом в своих убеждениях, отстаивал необходимость Просвещения и позитивную роль распространения наук в процветании добродетелей: «Просвѣщаясь, становимся мы доброжелательнѣе <...> Вся система наукъ, вѣличественное и разнообразное зданіе, есть спокойное убѣжище от пороковъ, страстей и праздности» [9, с. 269].

Одной из главенствующих основ педагогической системы Муравьева стала высоконравственная личность самого учителя: он во многом старался воспитывать цесаревичей собственным примером. Н. Жинкин об этой роли Муравьева говорил так: «... учитѣль всегда долженъ быть на сторожѣ, слѣдить за своими действиями и словами, помнить, что передъ нимъ необыкновенно воспримчивая и чуткая аудиторія» [5, с. 290]. Уже этим исследователем, одним из первых в муравьевоведении, в начале XX века был отмечен системный подход Муравьева-педагога к передаваемым знаниям, что подразумевает взаимосвязь и интеграцию изучаемых предметов по ходу обучения. Тем самым, как видим, писатель-просветитель шел в авангарде современной ему педагогической мысли. Известно и важно также, что Михаил Никитич был знаком с трудами Я. А. Коменского, где впервые были сформулированы идеи системного подхода в педагогике.

Муравьев-наставник старался воспитать из цесаревичей истинно просвещенных монархов, не только «понимающих значение развития промышленности и торговли», но и «умеющих уважать в каждом подданном человека», «покровителей наук и искусств» [6, с. 8] и, главное вместе с тем, добродетельных христиан. Именно с воспитательной деятельностью М. Н. Муравьева ряд ученых, таких, как В. О. Ключевский, А. Н. Пыпин, А. Ю. Андреев, связывают идеалистические черты личности воцарившегося затем императора Александра I. Бесспорной идейной базой в благородном деле просвещения, образования и воспитания цесаревича учителю-просветителю служила христианская этика и древнерусская письменность.

Об общем нравственном созвучии писателя с древнерусской философией и этикой мы уже рассказали. Здесь же отметим еще и то, что в итоге Михаил Никитич органично соединил идеи Просвещения и древнерусскую этику, преодолевая «педагогический хаос», как назвал ситуацию смены культурных парадигм, сложившуюся во времена Екатерины II, П. Ф. Каптерев.

В своей воспитательской деятельности Муравьев активно использовал собственные сочинения. Вообще, можно говорить о том, что в период учительства не только свои моральные и физические силы, но и сам талант он поставил на службу России. В целом ряде своих оригинальных просветительских произведений, созданных в эти годы, Михаил Никитич «проповѣдовалъ любовь

к человечеству» и «необходимость господства закона, обуздывающего деспотизмъ» [11, с. 20].

«Разговоры мертвых» (опубликованы в 1796 году, после окончания обучения цесаревичей), будучи связанными с воспитательной деятельностью Муравьева, проникнуты патриотическим пафосом и обладают очень отчётливым религиозно-нравственным звучанием.

Преимущественно в науке, как замечает В. Н. Топоров, «текст истории» Муравьева изучался и изучается с точки зрения исторической науки или в контексте западной концепции истории. Определенное основание для таких параллелей есть: Муравьев, действительно, занимался изучением трудов Гиббона и Робертсона, Макиавелли, Болингброка, Юма и Фергюсона [12].

Наша цель – иная: рассмотреть творчество Муравьева с точки зрения традиций древнерусской словесности и этики. Однако, указание Топорова на знакомство Муравьева с трудами Эдуарда Гиббона для нас очень ценно. Поясним. В «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббон хотел показать путь Римской империи от конца II в. до 476 года, но, работая над источниками, сделал вывод, что после падения старого Рима его роль взял на себя новый Рим – Константинополь, поэтому философ-историк стал писать и историю Византии до ее падения, то есть до захвата ее Османской империей в 1453 году. Возможно, именно это и натолкнуло Муравьева, читателя-исследователя, на мысль о параллели с древнерус-

ской концепцией «Москва – Третий Рим». Эта известнейшая смыслонесущая древнерусская концепция как раз и находит интересное развитие в «Разговорах мертвых».

Как известно, наиболее вероятно, что эта теория впервые была сформулирована старцем Филофеем в посланиях Василию III: «Да вѣси, <...>, яко вся христианская царства приидоша в конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, <...>, то есть Роменское царство: два убо Рима падоша, а третий стоитъ, а четвертому не быти» («Послание о злыхъ днехъ и часѣхъ»). Для Муравьева в данном случае не существует перенос столицы из Москвы в Санкт-Петербург, ведь, как видится автору, вся Россия перенимает величие Римской Империи, как в политическом отношении, так и в религиозно-нравственном плане.

Следуя этой логике, Муравьев в символическом диалоге основателей двух великих держав-империй, Ромула и Кия, устами Ромула описывает величие Римской империи, а его Кий говорит о ее падении, ставя на ее место Россию. Кий прославляет мощь России, ее воинскую силу, Россия в его репликах становится средоточием всех благ цивилизации: «зрі Россію, разливающую просвѣщеніе от моря Балтійского до водъ, омывающихъ Новый Свѣт: воинства ея, флоты, искусства, учреждения» [8, с. 301]. Далее, в диалоге «Рюрикъ и Олегъ», автор развивает эту идею: его герои говорят о том, что Константинополь, прежде чем окончательно пасть, передал куль-

турное наследие и право духовного лидерства Киевской Руси.

В связи с тем, что Муравьев делает акцент не только на политическое и военное первенство России, в дальнейшем более полно раскрываются и его идеи о ее религиозно-нравственном, духовном лидерстве среди других стран. Россия и монарх как помазанник Божий понимаются как хранители Правой Веры.

Диалог Ромула и Кия – первая глава «Разговоров мертвых». Прозвучавшая уже здесь отсылка к концепции «Москва – Третий Рим», преобразившись в идею о величии и процветании России, становится дальше лейтмотивом во всем муравьевском произведении.

Как считает Б. А. Успенский, идея «Москва – Третий Рим», хотя в Петровское время и не входила в круг официальной идеологии, все же незримо присутствовала в государственной идеологии: «само обращение к Риму как норме и идеалу государственной мощи было традиционно для русской культуры» [12, с. 60].

Муравьев своеобразно возрождает из забвения теорию Третьего Рима и становится проводником этой идеи как в политическом плане (эти идеи вновь зазвучали во время войн с Турцией), так и в мировоззренческом (он предугадывает, в известном смысле, доктрину славянофилов в XIX веке).

Следует писателю древнерусской традиции и в том, что, в его понимании, самодержавие, единоличная власть мудрого правителя – та сила, под властью которой и объединяется государство. Герои Муравьева

вторят героям древнерусской исторической литературы, осуждая междоусобицу и любое разобщение, являющееся следствием заботы о личном благе, а не о благе государства и народа. Например, Михаил Никитич так говорит о мудрых правителях в диалоге Владимира и Карла Великого: «поставленные Провидением надъ народами... которые посвятили спокойствие своей жизни благополучию вселенной» [8, с. 312]. Заметим, что то же представление о Божьей воле, мудром провидении, поставившем царя на это место, о благодати такого правления – мы встречаем в «Послании на Угру» Вассиана Рыло: «Тем же пророчески рещи, Богом утвержденный царю: ... и престол твой правдою и кротостию и судом истинным совершен есть, и жезл силы послетти Господь от Сиона» [3]. У Муравьева же мы видим образ монарха, который является источником процветания государства, благ установления законов, а также выступает залогом соблюдения законов и справедливости.

Обращаясь к истории Руси, Муравьев не может пройти и мимо темы междоусобных войн. Его герои сетуют на неразумие и эгоизм князей, разделяющих и раздирающих междоусобицами единое государство. В этом плане показательно сравнить «златое слово» Святослава из «Слова о полку Игореве» со словами Ярослава I:

а) «Яролсави вси внуце и Всеславли... Уже бо выскочите изъ дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю русскую...» –

б) «Онъ раздѣлилъ области свои между нами, сынами своими, которые вмѣсто согласія и взаимной помощи обагрили Отечество кровію сограждан» и его же напутствие сыновья на смертном одре: «въ согласіи вы всехъ одолѣете; въ раздорѣ будете жертвою непріятелей» [8, с. 306].

С именем княгини Ольги Муравьев связывает первое явление христианства на Руси. «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с Ним примирения» – так писал автор «Повести временных лет», легендарный Нестор. Однако, в дальнейшем описании жизненного пути святой равноапостольной Ольги Муравьев находится как бы между Нестором, достаточно подробно изложившим мечь княгини древлянам, – и автором жития Ольги, который вообще не оговаривает, что такая мечь имела место быть, а сама Ольга в диалоге со своим мужем Игорем говорит: «Я дѣйствовала по несправедливымъ понятіямъ воспитанія моего и народныхъ нравовъ» [8, с. 311].

Муравьев стремится проникнуть и в психологию героини, более подробно пишет о мотивах Ольги в принятии новой веры. В данном случае он согласен с автором «Повести временных лет» и видит в основе крещения Ольги ее стремление к познанию истины и Богопознанию. Принятие православной веры, по замыслу Муравьева, связывается со светом истинного знания, в противовес тьме и жестокости язычества. Также Муравьев останавливает внимание на том, какую переме-

ну принесло в душу Ольги принятие христианства: «... въ каждомъ челоуѣке видѣла я брата, видѣла въ Богѣ общаго Отца всѣхъ племенъ и языковъ, населяющихъ вселенную» [8, с. 311]. В уста прозревшей героини Муравьев вкладывает слова о любви к людям, то есть повторяет Вторую Заповедь и один из фундаментальных принципов христианства: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Как и автор «Житія ... Ольги», Михаил Никитич говорит о ее вкладе в распространение на Руси христианства, просвещения, учреждении школ.

Главным и непосредственным преемником муравьевской нравственной традиции станет Василий Андреевич Жуковский. Известно, что он активно занимался подготовкой трудов Муравьева к изданию, знакомясь, таким образом, с муравьевской концепцией Добродетели и методикой органичной ассимиляции западной и отечественной философии Добродетели. Идеи об очищении души страданием, противопоставления роптания и смирения, о тайнах Бытия, неподвластных человеческому пониманию и выражению в слове, о Добродетели, спасающей душу и потому являющейся одной из наибольших ценностей родственны миропониманию Жуковского и найдут полноценное развитие в его творчестве.

Библиографический список

1. Александр (Шмеман), свящ. Великий покаянный канон св. Андрея Критского [Электронный ресурс] / свящ. Александр (Шмеман). – 2015. – URL: <http://www.zavet.ru/kalendar/vp/s1pnd->

- 001pr.htm. Доступ свободный. Дата обращения 07.05.17.
2. Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества*. – М. : Правда, 1989. – 607 с.
 3. Вассиан Рыло. *Послание на Угру [Электронный ресурс]*. – 2015. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5070>, свободный. Дата обращения 09.06.15.
 4. Вигель Ф. Ф. *Воспоминания*. – М., 1866. – Т. VI. – С. 100–115.
 5. Жинкин Н. М. Н. *Муравьев // Изв. Отд. русского языка и словесности*. – 1913. – Т. 18, Кн. 1. – С. 273–352.
 6. Кулакова Л. И. *Поэзия М. Н. Муравьева // Муравьев М. Н. Стихотворения*. – Л. : Сов. писатель, 1967. – С. 5–49.
 7. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. *Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры*. – М., 1994. – С. 60–75.
 8. *Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений*. – СПб, 1819. – Ч. I. – 383 с.
 9. *Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений*. – СПб, 1820. – Ч. III. – 325 с.
 10. *Муравьев М. Н. Стихотворения*. – Л. : Наука, 1967. – 386 с.
 11. Пыпин А. Н. *Общественное движение в России при Александре I*. – СПб. : Акад. Проект. 2001. – 556 с.
 12. Топоров В. Н. *Из истории русской литературы*. – Т. II: *Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I*. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 912 с.
 13. Успенский Н. Д. *Соборность церкви // Журнал Московской Патриархии*. – 1959. – № 7. – С. 45–51.
 - [Jelektronnyj resurs] / svjashh. Aleksandr (Shmeman). – 2015. – URL: <http://www.zavet.ru/kalendar/vp/s1pnd-001pr.htm>. Dostup svobodnyj. Data obrashhenija 07.05.17.
 2. Berdjaev N. A. *Filosofija svobody. Smysl tvorcestva*. – M. : Pravda, 1989. – 607 s.
 3. Vassian Rylo. *Poslanie na Ugru [Jelektronnyj resurs]*. – 2015. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5070>, svobodnyj. Data obrashhenija 09.06.15.
 4. Vigel' F. F. *Vospominanija*. – M., 1866. – T. VI. – S. 100–115.
 5. Zhinkin N. M. N. *Murav'ev // Izv. Otd. russkogo jazyka i slovesnosti*. – 1913. – T. 18, Kn. 1. – S. 273–352.
 6. Kulakova L. I. *Pojezija M. N. Murav'eva // Murav'ev M. N. Stihotvoreniya*. – L. : Sov.pisatel', 1967. – S. 5–49.
 7. Lotman Ju. M., Uspenskij B. A. *Otvuki koncepcii «Moskva – Tretij Rim» v ideologii Petra Pervogo // Uspenskij B. A. Izbrannye trudy. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury*. – M., 1994. – S. 60–75.
 8. *Murav'ev M. N. Polnoe sobranie sochinenij*. – SPb, 1819. – Ch. I. – 383 s.
 9. *Murav'ev M. N. Polnoe sobranie sochinenij*. – SPb, 1820. – Ch. III. – 325 s.
 10. *Murav'ev M. N. Stihotvoreniya*. – L. : Nauka, 1967. – 386 s.
 11. Pypin A. N. *Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I*. – SPb. : Akad. Proekt. 2001. – 556 s.
 12. Toporov V. N. *Iz istorii russkoj literatury*. – T. II: *Russkaja literatura vtoroj poloviny XVIII veka: Issledovaniya, materialy, publikacii. M. N. Murav'ov: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie. Kniga I*. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 2001. – 912 s.
 13. Uspenskij N. D. *Sobornost' cerkvi // Zhurnal Moskovskoj Patriarhii*. – 1959. – № 7. – S. 45–51.

Bibliograficheskij spisok

1. Aleksandr (Shmeman), svjashh. *Velikij pokazannyj kanon sv. Andreja Kritskogo*

© Паикуров А. Н.,
Темирбулатова А. Ш., 2017.